

6D.52
C69

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК
LANGUAGE AND REASONING

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ

Реальность,
ментальные модели
и дискурс

LA-396253

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ

Реальность,
ментальные модели
и дискурс

Коллективная монография

Ответственный редактор
В. И. Заботкина

Издательский Дом ЯСК

Государственное бюджетное
Москвы
учреждение культуры
2022

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

00-396253

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. И. Заботкина, Е. М. Позднякова. Предисловие</i>	7
---	---

Часть I

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ УГРОЗ

<i>В. И. Заботкина, О. В. Воробьева, Э. И. Бархатова.</i> Угрозы XXI века: репрезентация в ментальных моделях и в новой лексике	29
<i>Э. Пёппель, М. Изадифар, Ян Бао, В. И. Заботкина.</i> Необходимость дифференциации содержания и логистики в таксономии когнитивных функций	52
<i>Т. Гергей.</i> Моделирование социокультурных аспектов познания и языкопользования	67
<i>В. И. Тюпа.</i> Концепт идентичности в нарративах преодоления социокультурной угрозы	102
<i>М. Н. Коннова.</i> Метафорические модели концептуализации социокультурных угроз в русскоязычной медийной картине мира	119
<i>Е. Л. Боярская, Т. В. Фурменкова.</i> Анализ динамики изменений структуры событийного фрейма	143

Часть II

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

<i>В. П. Авдотьин, А. А. Кононов, Ю. С. Авдоткина.</i> Дискурсивные стратегии парирования навязываемых когнитивных предубеждений и искажений	161
<i>А. А. Романов, О. В. Новоселова.</i> Дискурс угрозы как стратеги- ческий ресурс предвыборной коммуникации (на материале предвыборных программ кандидатов на пост президента Российской Федерации)	187

<i>Е. М. Позднякова. Противодействие глобальным угрозам и рискам современности (опыт фреймового анализа <i>Global Risks Reports</i>)</i>	23
<i>Н. В. Жадунова. Риторика ненависти: этические аспекты</i>	253
<i>М. И. Хазанова. Представление статусной угрозы в речевом акте жалобы на материале языка интернет-форумов</i>	269
<i>А. В. Колмогорова. Учат ли агрессии? Формирование моделей агрессивного коммуникативного поведения в общении русских матерей со своими детьми</i>	277

Часть III

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УГРОЗЫ: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ЯЗЫКЕ КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВО

<i>Е. П. Буторина. Речевые маркеры угрозы и прогнозная аналитика</i>	309
<i>Л. И. Богданова. Обеднение русского ценностно-смыслового универсума как социокультурная угроза</i>	328
<i>А. Э. Левицкий. Техногенная угроза и ее отражение в языке и обществе</i>	346
<i>В. В. Батура. Понятие об элитах: определение, система, практика использования</i>	363
<i>Е. Е. Голубкова, С. В. Канашина. Репрезентация концепта УГРОЗА в мультимодальных единицах коммуникации — интернет-мемах</i>	369
<i>Заключение</i>	387
<i>Список авторов</i>	391

В. И. Заботкина, О. В. Воробьева, Э. И. Бархатова

УГРОЗЫ ХХІ ВЕКА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В МЕНТАЛЬНЫХ МОДЕЛЯХ И В НОВОЙ ЛЕКСИКЕ

Введение

Понятие социокультурных угроз появилось сравнительно недавно, но практически сразу приобрело характер понятия-знака, понятия-символа, необходимого для описания сложности современного мира и специфики восприятия действующих в нем угроз. Однако, несмотря на чрезвычайную распространенность этого понятия, оно парадоксальным образом очень невнятно и неопределенно. Неудивительно поэтому, что большая часть работ в этом проблемном поле исполнена рефлексии по поводу необходимости выработки адекватного языка, но чаще всего эта рефлексия носит поверхностный и несистемный характер. Это приводит к тому, что, предлагая выделение базовых блоков социокультурных угроз, авторы, как правило, оказываются не в состоянии занять сколько-нибудь определенную концептуальную позицию. При этом новые понятия зачастую вводятся без особой надобности, в силу той или иной «когнитивной моды», без всякой предварительной эпистемологической экспертизы возможности и обоснованности их использования в современных научном и публичном дискурсах. Нередко используются понятия, которые вместо четких определений заменяются приблизительными разъяснениями; многие термины соответствуют не одному, а многим понятиям, в том числе семантически неправильно введенным; отдельные понятия пересекаются друг с другом, причудливо накладываются друг на друга и т. п. Все это порождает, с одной стороны, «ярмарку идей», стягивающих когнитивное поле социокультурных угроз, с другой стороны, концептуальный и терминологический хаос, затрудняющие профессиональную рефлексию и коммуникацию при изучении данного феномена.

В значительной мере обозначенные трудности связаны, с одной стороны, с неопределенностью социокультурной сферы жиз-

ни общества вообще, ее отличия от других сфер общественной жизни; с другой стороны (несмотря на эту неопределенность), с настойчивым рассмотрением социокультурных угроз исключительно как отдельный тип угроз, четко отделенных от экономических, политических, экологических, технологических и других угроз. При таком подходе совершенно непонятно, как можно развести их, например, с угрозами безопасности, определенно затрагивающими социокультурную сферу жизни общества. Или с такими внешними угрозами, как международный терроризм, миграции, информационные войны — можем ли мы с уверенностью сказать, что они не представляют угрозу социокультурной жизни общества? Трудности определения и классификации социокультурных угроз как раз и заключаются в том, что они имеют *комбинированные источники и многоаспектные проявления*, могут быть таковыми как по своему предмету, так и по своим последствиям, а также подразделяться на внутренние и внешние. Например, угроза религиозного фундаментализма может связываться и с процессами глобализации, и с социальными и культурными диспропорциями, и с возросшими возможностями информационных манипуляций. И наоборот: переход к информационному обществу может порождать в сознании людей не одну, а целый спектр разнородных угроз. Более того, разные институты общественной жизни могут в равной степени оказываться агенсами, пациенсами и контрагенсами такой угрозы. Поэтому любая классификация оборачивается *неполнотой списка или гетерогенностью критериев*.

В этой ситуации более продуктивным, на наш взгляд, является понимание социокультурных угроз не столько как отдельный тип угроз, сколько как *способ и специфику их преломления в социально-культурной сфере*. Другими словами, *социокультурную угрозу* можно определить как потенциальное нарушение нормативного порядка в сфере социальных связей, ценностных структур, публичных и частных отношений, рассматриваемое индивидом или группой как опасность, которая ставит под вопрос воспроизводство того или иного общественно-культурного уклада (см. об этом подробнее [Чубарьян и др. 2019]). Именно в сознании различные аспекты жизнедеятельности человека интегрируются в некоторое единство, встречаются, проживаются, взаимодействуют друг с другом. И в этом измерении социокультурные угрозы перестают быть механической суммой социальных и культурных угроз, приобретая свойственную им многогранность, объем и сложность.

В свете сказанного актуальная концептуализация социокультурных угроз может иметь исключительно ситуативно-инструментальный и функциональный характер, а также обладать пространственно-временными условиями и границами. Основное внимание целесообразно сосредоточить не на составлении единого исчерпывающего списка, а на наиболее типичных представлениях об угрозах в разных темпоральных контекстах и общественных стратах (или группах людей), механизмах формирования, осмысления, трансляции угроз в публичном пространстве социума и культуры. Полезными инструментами являются концептуализация и экспертный анализ различных видов дискурса с учетом стратегий презентации и репрезентации. Под презентацией понимается словесное высказывание, содержащее в себе определенную информацию об угрозах и сопутствующих им смыслах с целью оказания воздействия на реципиента, на его восприятие этой информации как «непосредственно воспринимаемой» и передающей «точный смысл» сообщения. Основным интерес здесь представляют способы и инструменты такого воздействия. Под репрезентацией понимается сложная познавательная процедура экспликации скрытых смыслов, стоящих за восприятием социокультурных угроз и отсылающих к социокультурному контексту жизни и деятельности социокультурных акторов, включая повседневные практики и коммуникативную активность. Другими словами, репрезентация угроз — это всегда *представление, моделирование* их с помощью некоего «заместителя», «посредника», в первую очередь, символических, знаковых систем, моделей и т. п. Оба понятия — презентация и репрезентация — тесно связаны между собой, т. к., во-первых, определяются по отношению друг к другу, во-вторых, любая репрезентация содержит в себе как прозрачный, так и непрозрачный компонент. Между тем, как справедливо заметила Л. А. Микешина, «за их достаточно тонкими различиями часто стоят самостоятельные познавательные концепции» [Микешина 2007: 7].

Следует учитывать, что изменения и трансформации восприятия, языка описания и стратегий преодоления необходимо рассматривать в более широком контексте трансформации символической политики, внутри- и внешнеполитических приоритетов и других факторов. Продуктивной является установка на сочетание сциентистской и культурологической перспектив, на социальную праксеологию, интегрирующую структурный (нормативный) и

феноменологический (интерпретативный, или конструктивистский) подходы.

В качестве такого условного конструкта можно выделить три большие группы социокультурных угроз, в «зазорах» между источниками и возможными последствиями которых можно попытаться ухватить широкий спектр представлений и переживаний, связанных с исследуемым феноменом, — *угрозы индивиду, угрозы обществу, угрозы культуре*. *Угрозы индивиду* включают в себя угрозы его безопасности (рост преступности, злоупотребление информационными технологиями — киберагрессия, кибербуллинг и др.), здоровью (ухудшение экологии, биополитика и др.), идентичности (этнической, конфессиональной, гендерной, профессиональной и т. п.), правам и свободам (попрание чести и достоинства, нарушение неприкосновенности частной жизни и т. п.), качеству жизни (социальная незащищенность, безработица, рост социального неравенства и т. п.) и другие. *Угрозы обществу* также содержат в себе аспект безопасности (миграции, социальные конфликты, национальная и религиозная рознь и т. п.), но, наряду с ним, предполагают возможные угрозы социальным институтам (брак, семья, наука, образование и т. п.), общественному единству, общественному воспроизводству и т. п. *Угрозы культуре*, наряду с ценностным (например, дегуманизация, деаксиологизация) и институциональным аспектами, содержат в себе угрозы историко-культурному наследию, языку, культурно-исторической памяти и т. п.

Осознавая постоянную изменчивость социокультурной сферы, постоянное возникновение новых угроз и, стало быть, подвижность этого списка, основной упор делается на сам принцип концептуализации этой сферы, заключающийся в неразрывном триединстве индивида, социальности и культуры. Отсюда неизбежная условность отнесения угроз к тому или иному уровню обозначенной выше триады. Конфликты угрожают, с одной стороны, безопасности человека, его идентичности, с другой — единству общества в целом.

Принципы когнитивной категоризации, разработанные в когнитивной науке последних трех десятилетий, в настоящее время не утратили своей значимости. Несомненная заслуга ученых, исследующих категоризацию и концептуализацию, состоит в разработке методологии когнитивного моделирования как отдельных концептов, так и концептуальных областей. Тем не менее актуаль-

ность задачи построения и когнитивного моделирования больших концептуальных областей в настоящее время только возрастает.

Новые угрозы XXI века

В настоящем разделе мы рассмотрим угрозы современного мира, в том числе цифрового, на уровне их репрезентации в ментальных моделях и в новой лексике английского языка. Материалом для анализа послужили новые слова, появившиеся за последние двадцать лет и публикуемые в таких интернет-источниках, как сайты и блоги словарных издательств, например, *Cambridge Dictionary Blog*, *Macmillan Dictionary Buzzword*, *Merriam-Webster Unabridged*, *Oxford Dictionaries*. Преимуществом данных источников является высокая скорость «фиксации» новых слов, что позволяет значительно быстрее выявить изменения в концептуальной картине мира. Будут также проанализированы когнитивные механизмы, лежащие в основе формирования новой лексики, отражающей новые виды угроз.

XXI век вместе с прогрессом цивилизации принес и новые виды угроз. Напомним в этой связи известное высказывание Роберта Музиля о том, что «прогресс — это мощь, которая постепенно перерастает в немощь» — человек делегирует часть функций своего мозга компьютеру. Речь идет прежде всего об угрозах цифрового мира, но не только. Мир стал «нечеловекомерен». Все больше и больше вещей мы доверяем искусственным системам. И они действуют с такими скоростями, в которых одушевленные существа попросту не живут. Нет жизни в наносекундах, нет жизни в нанометрах. Но системы очень хорошо работают на высоких скоростях. Они могут принять решение, а мы об этом даже не узнаем [Черниговская 2018].

Как указывалось выше, в данном разделе мы ставим своей целью анализ концепта УГРОЗА на уровне ментальных моделей и когнитивных механизмов, репрезентации этого концепта в неологизмах современного английского языка. «Данные неологии, — как отмечала Е. С. Кубрякова, — выступают в качестве бесценного источника сведений о технике осуществления актов семиозиса и словообразовательных актов в современных языках, о тайне сознания и выражения новых смыслов, о средствах и способах их «упаковки» в определенные языковые формы, а, следовательно, о

КОНЦЕПТ ИДЕНТИЧНОСТИ В НАРРАТИВАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ УГРОЗЫ

1

При всей широте семантического поля «социокультурных угроз» корневой угрозой данного рода представляется опасность кризисного нарушения (а в предельных случаях — разрушения) социокультурного уклада жизни, т. е. стабильного, нормализовавшегося *строя межличностных отношений* внутри национальной (или субнациональной) культурной общности людей.

Такое определение разграничивает социокультурный жизненный уклад с хозяйственным и политическим, в рамках которых люди выступают не личностями, а носителями соответствующих общественных функций.

Уклад межличностных отношений имеет свою внешнюю (этикетную) сторону, однако личность в качестве «я» составляет *внутреннюю реальность* человеческой жизни. Поэтому извне картина собственно межличностных отношений в принципе описанию не подлежит. Она раскрывается в частных человеческих документах (письмах, мемуарах), а в особенности — в художественных текстах, центральным предметом интереса в которых всегда выступает человеческое «я».

Чтобы быть участником социокультурного жизненного уклада, недостаточно обладать социальным статусом и функций. Необходима социокультурная *самоидентичность*: соответствие внутреннего «я-для-себя» внешнему «я-для-другого». Этим достигается «укорененность субъекта в мире» [Рикер 2017: 231], по выражению Поля Рикера, продуктивно разрабатывавшего категорию нарративной идентичности.

Проблематика эго-идентичности и ее кризисов после новаторских, а ныне уже классических работ Эрика Эриксона (см.

[Erikson 1959; Эриксон 1996]) активно обсуждается не только в психологии, но и в других гуманитарных науках. При этом национальная идентичность и иные социокультурные идентичности — конфессиональные, сословные, профессиональные, поколенческие, гендерные и т. п. — не являются чем-то сверхличным. Национальная идентичность народа, позволяющая размежевывать «свое» и «чужое», представляет собой не мистический «народный дух», а совокупность национальных самоидентичностей множества людей.

Я предлагаю обратиться к четырем русским текстам, где «решающее посредничество повествовательной структуры» [Рикер 2017: 235] актуализирует для нас ситуации кризиса идентичности и стратегии его преодоления. Угроза ослабления или утраты идентичности собственно и составляет едва ли не главенствующую социокультурную угрозу. В контексте средневековой культуры самоидентичность субъекта мыслилась как *честь*. Не сохранивший, не отстоявший свою честь, обесчещенный человек утрачивал самоидентичность, переставал «быть собой», не оставался тождественным самому себе.

В лучшей, на мой взгляд, древнерусской воинской повести — «Повести о разорении Рязани Батыем» в 1237 году — впечатляюще актуализируется угроза нашествия полчищ Батыя не в качестве угрозы физической гибели рязанцев (хотя такая перспектива для них очевидна), а как угроза утраты ими в результате покорения именно социокультурной идентичности, вотчинной самобытности. Рязанские князья готовы гибнуть за «отчину отца нашего» великого князя Игоря Святославича.

Тогдашний глава Рязанского княжества Юрий Ингорович, используя традиционную формулу, известную нам по «Слову о полку Игореве», призывает рязанцев предпочесть завоеванию — смерть. Ибо покориться завоевателю означает «въ поганой воли быти».

«Поганая воля» — это и есть *утрата самоидентичности*: вынужденность руководствоваться в жизни не своей, а чужой волей.

Рязанцы не сомневаются в причинах нашествия: «Сія бо наведе Богъ грехъ ради нашихъ». Они также понимают, что Божьему гневу никто противостоять не в силах. Однако повесть строится, тем не менее, как *нарратив противостояния* угрозе утраты чести: без надежды на воинскую победу рязанцы занимают позицию *стоического неподчинения*.

Е. Л. Боярская, Т. В. Фурменкова

АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ИЗМЕНЕНИЙ СТРУКТУРЫ СОБЫТИЙНОГО ФРЕЙМА*

Способность анализировать приобретенный опыт и осмыслять события, происходящие вокруг, есть неотъемлемое свойство человеческого сознания. Реальная действительность состоит из бесконечного множества событий, которые происходят с участием и без участия человека, но каждое из которых осмысляется им. В этом контексте особый интерес представляет динамическая связь между концептуализацией события и языком, посредством которого данное событие вербализуется. Эмпирические данные подтверждают наличие динамического соответствия между когнитивной репрезентацией события и способом его кодирования в языке [<https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/tops.12475>]

Теории усвоения языков рассматривают концептуализацию события как необходимый элемент освоения языка, в процессе которого формируется набор концептов для репрезентации события. Количество концептов, являющихся элементами структуры, может быть совершенно разным, оно зависит от комплексности события [Zabotkina, Boyarskaya 2018].

Закс и Тверский определяют событие как «отрезок времени, протекающий в данном месте, который воспринимается наблюдателем в качестве некой структуры, имеющей начало и конец» [Zaks, Tversky 2001]. Данное определение подчеркивает значимость пространственно-временной матрицы, включающий в себя следующие характеристики события: длительность, наличие временных рамок (границ) и пространственную структуру, которые выступают как основные характеристики события. Представления о событии в памяти, известные как концептуальные модели события, фиксируют информацию как о пространственно-временной

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 17–78–30029.

А. А. Романов, О. В. Новоселова

ДИСКУРС УГРОЗЫ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ РЕСУРС ПРЕДВЫБОРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

**(на материале предвыборных программ кандидатов
на пост президента Российской Федерации)**

Примечательной чертой, своеобразной особенностью предвыборной кампании 2018 года стало широкое использование кандидатами на пост президента Российской Федерации дискурсивных практик со значением угрозы (также: менасивных высказываний или высказываний со значением угрозы) в агональных (состязательных) актах предвыборной политической коммуникации.

Под дискурсивной практикой со значением угрозы или менасивной практикой (также: менасивные высказывания, менасивы) понимается естественно-языковой акт коммуникативного проявления в виде определенных конструкций, объединенных вокруг иллюкутивной доминанты, активизирующей в рамках типового фреймового пространства (фреймовой конфигурации) каузацию адресата (единичного, группового или массового) к совершению определенных действий или отказу от них с указанием проявления возможных последствий или санкций, способных порождать в ментальном пространстве адресата дискомфортное состояние [Романов, Новоселова 2013: 5; 2013а].

Появление менасивных практик со значением угрозы в агональном дискурсе предвыборной коммуникации обусловлено функциональной спецификой такого типа дискурса, так как ведение предвыборной кампании представляет собой достаточно сложный процесс, в котором политик не только активно продвигает свою позицию по ключевым вопросам устройства страны, но и сталкивается на дебатах с установками своих оппонентов. Поэтому на предвыборных дебатах претендентов вполне возможно и логично появление в коммуникативной ситуации противоборствующих между собой агональных вербальных практик со значением угрозы у кандидатов. Примечательно, однако, что некоторые

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНЫМ УГРОЗАМ И РИСКАМ СОВРЕМЕННОСТИ

(опыт фреймового анализа *Global Risks Reports*)

Введение

Тема, рассматриваемая в рамках данной коллективной монографии — взаимосвязь **реальности, ментальных моделей**, формируемых реальностью и служащих ориентиром в осознании этой реальности, и создаваемых и понимаемых на основе всего этого **дискурсов**. В этом разделе мы представим когнитивно-дискурсивный анализ, который будет проведен по указанному алгоритму исследования: от описания реальности к построению ментальных моделей в виде фреймов и затем — к дискурсивным стратегиям, которые используют создатели анализируемых документов.

Материалом для исследования послужили тексты ежегодных докладов о глобальных рисках, подготовленных в рамках Всемирного экономического форума в 2006—2021 гг. В 2004 г. в рамках ВЭФ была создана **Группа анализа глобальных рисков** (*Global Risks Network*, далее **GRN**). Эта группа и готовит ежегодные отчеты **Global Risks Reports** (далее — **GRR**). Над отчетами работает группа авторитетных экспертов, в которую входят: Компании *Marsh & McLennan* (США); *SK Group* (Южная Корея); Цюрихская страховая группа (Швейцария). Академическими партнерами проекта являются Национальный университет Сингапура, Оксфордская школа Дж. Мартина (Оксфордский университет, Великобритания); Уортонский Центр управления рисками и процессами принятия решений (Пенсильванский университет, США).

В начале своей работы GRN определила критерии и исходный список глобальных рисков, который был впоследствии расширен. Было выделено пять групп рисков: экономические, геополитические, экологические, социальные, технологические. При этом, как указывается в ряде докладов GRN, глобальные риски носят

ОБЕДНЕНИЕ РУССКОГО ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО УНИВЕРСУМА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ УГРОЗА

В современном обществе особое внимание обращают на проблему практической значимости научных исследований. Это касается и лингвистических работ, которые, по-видимому, должны быть более тесно связаны с запросами социума. Выявление социокультурных угроз имеет непосредственную связь с общественной практикой, обнаруживая языковой аспект опасных для общества и человека тенденций, процессов и явлений. В данной работе основным предметом изучения становятся лексические «потери» и «приобретения» последних десятилетий, тесно связанные со смысловыми сдвигами, семантическим опустошением ряда слов, колебанием и изменением оценочной характеристики. Когнитивный подход к изучению общественно значимых феноменов помогает объяснить, как человек воспринимает и интерпретирует происходящие изменения в обществе, какую оценку им дает.

Значения слов языка, создающие в совокупности языковую картину мира, составляют «интерпретацию действительности в ее измерениях физических, психологических, социальных, духовных» [Бартминьский 2005: 32]. Термин «языковая картина мира», если основываться на его внутренней форме, предполагает статичное, одномоментное отражение действительности, что, впрочем, не отрицает ни изменения самой объективной реальности, ни трансформации ее отображения в языке. Совершенно очевидно, что с изменениями в сознании людей происходят аналогичные изменения и в определенных фрагментах языковой картины мира, что косвенно подтверждают идеи Льва Гумилева. В его теории этнос рассматривается как динамическая система, включающая в себя людей, элементы ландшафта, культурную традицию и взаимоотношения с соседями [Гумилев 2011: 100].

В этой связи появление или исчезновение из лексикона тех или иных слов также связано с изменением жизни, сознания,

М. И. Хазанова

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СТАТУСНОЙ УГРОЗЫ В РЕЧЕВОМ АКТЕ ЖАЛОБЫ НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ

Предметом рассмотрения в настоящем разделе являются языковые средства оформления речевого акта жалобы в русском языке и обусловленное этим речевым актом развитие всего сценария жалобы.

Материалом для анализа послужили интернет-форумы, что объясняется тем, как организовано на них общение участников: реплики фиксируются в хронологическом порядке, авторизуются (указывается условное имя автора сообщения, так называемый *никнейм*) и, в случае разветвления структуры общения (когда участие принимает больше двух говорящих), существуют технические средства уточнения, кому именно из участников направлена ответная реплика. Вместе с тем закономерности, о которых пойдет речь, как представляется, характеризуют коммуникативную компетенцию на русском языке в целом, а не определяются средством коммуникации.

Под речевым актом жалобы будет пониматься высказывание, значение которого в том или ином виде сводится к выражению недовольства по поводу некоторого действия, хронологически произошедшего до момента речи. Само это действие автором высказывания расценивается как оскорбительное или обидное лично для него, т.е. несущее угрозу коммуникативному статусу говорящего, или, пользуясь англоязычным термином, *face-threatening* [Brown, Levinson 2004]. Необходимо подчеркнуть, что важна именно направленность статусной угрозы: она должна касаться самого автора основного высказывания либо его непосредственного окружения (самых близких людей) или потенциально затрагивать именно его интересы. Такое личное отношение во многом предопределяет то, как будет сформулирована жалоба.

Поскольку речь идет о речевом акте [Серль 1986], то центральное место в его анализе занимает выявление направленности его

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 60-61-28**